101

28493

П. И. Астровъ.

БИБЛІОТЕКА
Ученаго Комитета Мин. Фин.

Юридическія предпосылки рабочаго права.

35707.

I

юридическія лица.

Библиотека НКФ СССР

МОСКВА.
Городская Типографія.
1911.

39

K

85328

I.

Комиссія Государственной Думы не отвергаетъ необходимости рабочаго законодательства.

На этой принципіальной, общепризнанной сторонѣ вопроса не слѣдовало бы останавливаться, если бы не далѣе, какъ только одинъ годъ тому назадъ, въ Государственномъ Совѣтѣ не слышались отголоски иного мнѣнія.

Государственный Совѣтъ обсуждалъ законопроектъ о вознагражденіи рабочихъ въ промышленныхъ и техническихъ заведеніяхъ Министерства Финансовъ.

Нѣкоторые члены Государственнаго Совѣта предлагали отклонить этотъ законопроектъ.

Указывалось на то, что «въ русской заводской жизни много патріархальнаго», что «патріархальныя отношенія» между рабочими и хозяевами «неизсякли совсѣмъ и теперь».

«Если наряду съ такимъ патріархальнымъ отношеніемъ—говорилъ одинъ членъ Государственнаго Совѣта--были и злоупотребленія, имѣла мѣсто и чрезвычайная эксплоатація рабочихъ, то... надо было создавать законы карательные, которые бы эти злоупотребленія прекращали и въ должной мѣрѣ уголовно наказывали» [1]).

«Право заботиться о рабочихъ»—говорилъ другой членъ Совѣта—это «христіанскій долгъ» [2]).

На этихъ сужденіяхъ нельзя не остановиться.

«Право заботиться о рабочемъ—это христіанскій долгъ. Онъ лежитъ одинаково не только на казенныхъ предпріятіяхъ, но и на частныхъ».

Авторъ этихъ словъ обращаетъ насъ къ *чувству христіанскаго долга*-- и въ заботѣ о рабочихъ видитъ не обязанность хозяина, а его *право*.

Сколько противорѣчій въ этихъ словахъ!

Кто является хозяиномъ промышленнаго предпріятія?

---

[1]) Стенографическій отчетъ стр. 2726 засѣд. 7 мая 1910 г. (рѣчь Глезмера).

[2]) Стенографическій отчетъ, стр. 2631 (рѣчь Триполитова).

Едва ли ошибемся, если скажемъ, что въ условіяхъ современной жизни человѣкъ,—обыкновенный человѣкъ,—бываетъ хозяиномъ предпріятія сравнительно очень рѣдко.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ предпріятія принадлежатъ не людямъ, а такъ называемыхъ «юридическимъ лицамъ», т. е. организаціямъ, имѣющимъ самостоятельную юридическую правоспособность.

Таковы акціонерныя компаніи, всевозможныя товарищества, торговые дома и т. д.

Акціонерныя компаніи, товарищества, торговые дома—вотъ хозяева предпріятій въ громадномъ, подавляющемъ большинствѣ случаевъ.

Иначе и не можетъ быть въ условіяхъ современнаго хозяйства.

А если такъ, то необходимо помнить, что въ современныхъ условіяхъ мы имѣемъ хозяиномъ предпріятія *не человѣка, къ религіозному и нравственному чувству котораго можно бы обращаться*, а великую физическую *безличность*, своеобразное существо, *не-человѣка*, то, что лишь *приравнивается* къ человѣку *съ точки зрѣнія* гражданской правоспособности—не persona, а, что́, говоря словами римскаго юриста, лишь personae vice fingitur.

Можно ли говорить о «христіанскомъ долгѣ» *такихъ* хозяевъ предпріятій?

Вѣдь христіанство обращается къ человѣку!

А у такой организаціи, которая только *приравнивается къ человѣку* съ точки зрѣнія гражданской правоспособности, нѣтъ человѣческой души.

«Все значеніе юридическаго лица, какъ правовой формы,—справедливо говоритъ русскій изслѣдователь,—исчерпывается въ дѣйствительности тѣмъ, что оно вводитъ въ гражданскій оборотъ разныя сложныя образованія, порожденныя экономической и общественной жизнью».

«Юридическое лицо—это общія скобки, которыя обнимаютъ различныя по своей юридической сущности явленія. Надо вскрыть эти скобки, чтобы понять каждое изъ стоящихъ за ними отношеній» [1]).

---

[1]) *Ельяшевичъ*. Юридическое лицо, его происхожденіе и функціи въ римскомъ частномъ правѣ. Стр. III и 24.

Вскрывая эти скобки въ отношеніи, напримѣръ, акціонерныхъ товариществъ,—не трудно увидѣть, что существо этой организаціи заключается въ томъ, чтобы дать возможность капиталу, разсѣянному у разныхъ обладателей, объединиться и выступить въ качествѣ самостоятельнаго экономическаго дѣятеля внѣ прямой зависимости отъ кого-либо изъ этихъ обладателей.

Существо акціонернаго предпріятія требуетъ юридическаго отдѣленія капитала отъ личностей его физическихъ обладателей,—и это достигается образованіемъ капитала посредствомъ акцій.

По самому характеру своему акція, какъ бумага на предъявителя, не связана съ личностью ея держателя болѣе, чѣмъ всякое другое движимое имущество, и предназначена для свободнаго обращенія посредствомъ простой передачи. Право на нее пріобрѣтается покупкой, дареніемъ, другими общегражданскими способами и возникаетъ для держателя съ момента передачи.

Нѣтъ и не можетъ быть учрежденія, регистрирующаго всѣхъ обладателей акцій.

Регистрація не соотвѣтствовала бы существу акціонернаго дѣла.

Сегодняшній обладатель акціи, завтра передастъ ее другому, и тѣмъ выйдетъ изъ товарищества, а этотъ другой можетъ, въ свою очередь, передать акцію третьему и такъ далѣе.

Юридически *личности* товарищей для *акціонернаго* товарищества—по самой природѣ такого товарищества—безразличны. Юридически въ такомъ товариществѣ личность важна лишь постольку, поскольку капиталъ кому-нибудь да принадлежитъ, и его нельзя оторвать отъ его обладателя. Этимъ и исчерпывается связь капитала акціонернаго предпріятія съ личностями его обладателей.

Въ акціонерномъ товариществѣ юридическое творчество создало форму, которая ввела въ жизнь бездушный, безвольный, духовно-мертвый капиталъ въ качествѣ непосредственно-активнаго дѣятеля.

Въ акціонерномъ предпріятіи онъ оказываетъ свое вліяніе *непосредственно*, выступая въ качествѣ самостоятельнаго

агента, не только не сливаясь съ личностью его обладателей, но даже почти не *связанный* съ этими личностями, ибо для акціонернаго капитала не существуетъ обладателей, какъ личностей во всей полнотѣ и сложности ихъ организаціи.

Для акціонернаго предпріятія нѣтъ обладателя акцій, какъ *человѣка*, а есть только *«держатель»* акціи.

Можно ли говорить о «христіанскомъ долгѣ» въ отношеніи *такого* хозяина?

А между тѣмъ его выдвинула жизнь—и юридическія лица являются хозяевами не только отдѣльныхъ предпріятій, но—мы едва ли ошибаемся, если скажемъ, что—и всего современнаго экономическаго положенія, ибо вся мощь капитала сосредоточена главнымъ образомъ у нихъ.

Капиталъ создалъ новыя юридическія формы. Эти юридическія формы въ свою очередь вліяютъ на жизнь.

Можно ли говорить о христіанствѣ и чувствѣ христіанскаго долга въ примѣненіи къ такимъ юридическимъ формамъ, которыя юридическое творчество создало именно для того чтобы изолировать, по возможности, капиталъ отъ *человѣка* и вмѣсто человѣка сдѣлать хозяиномъ *самый капиталъ*?

Вѣдь христіанство обращается только *къ человѣку*, а не къ юридической формѣ и тѣмъ менѣе къ капиталу.

Дѣйствовать на юридическія формы, а черезъ нихъ и на капиталъ, можно только *юридическими* же нормами, т. е. законами.

Поэтому отношенія хозяевъ предпріятій къ рабочимъ теперь, больше чѣмъ когда-нибудь, не могутъ покоиться *только* на сознаніи хозяевами своего индивидуальнаго долга.

Чувство христіанскаго долга *должно заставить понять, что во имя этого долга* нельзя говорить о долгѣ относительно тѣхъ многочисленныхъ—и экономически самыхъ мощныхъ—современныхъ хозяевъ, которые не могутъ сознавать и не могутъ чувствовать *никакого долга* по той причинѣ, что они *не люди* и ничего сознавать, ничего чувствовать *не могутъ*: они только personae vice finguntur.

Чувство христіанскаго долга приводитъ поэтому къ сознанію необходимости рабочаго законодательства.

Такое законодательство не ослабитъ *индивидуальной* христіанской *обязанности каждаго человѣка.*

Оно только восполнитъ то, что необходимо восполнить,— ибо въ жизни появились и дѣйствуютъ новые могущественные агенты не-люди—юридическія лица разныхъ видовъ и наименованій.

У нихъ нѣтъ и по ихъ природѣ не можетъ быть чувства долга.

Его долженъ восполнить законъ.

II.

Но недостающее юридическому лицу чувство долга не можетъ ли быть восполнено, чувствомъ долга его представителей и физическихъ лицъ, его образующихъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть только отрицательный.

«Съ юридической точки зрѣнія—говоритъ Л. І. Петражицкій [1])—субъектомъ предпріятія, предпринимателемъ, являются отнюдь не акціонеры и вообще не какія либо физическія лица, а акціонерная компанія—юридическое лицо. Послѣднее исключительно является субъектомъ тѣхъ юридическихъ дѣйствій (напр. покупокъ, продажъ, займовъ...), которыя входятъ въ кругъ предпріятія; оно только является активнымъ субъектомъ всѣхъ правъ и пассивнымъ субъектомъ всѣхъ обязанностей, которыя составляютъ юридическій активъ и пассивъ предпріятія. Права собственности, права требованія, иски и т. п. принадлежатъ не акціонерамъ, а отличному отъ нихъ юридическому лицу акціонернаго предпріятія. Должникомъ и отвѣтчикомъ предъ третьими лицами, имѣвшими дѣла съ акціонернымъ предпріятіемъ, является то же юридическое лицо, но никоимъ образомъ не акціонеры».

Акціонеръ—получаетъ дивиденды; личное участіе его въ дѣлѣ предпріятія чрезвычайно ограниченно.

Бо́льшее личное участіе имѣютъ представители юридическаго лица, восполняющіе ему недостающую дѣеспособность.

---

[1]) *Акціи* т. I, стр. 25 (изд. 1911 г.).

Но и представители—не все; они *не хозяева, а только представители* и занимаютъ положеніе служебное.

Хозяиномъ предпріятія является капиталъ. Организація, восполняющая недостающую ему дѣеспособность, естественно занимаетъ по отношенію къ капиталу, какъ хозяину, положеніе только служебное.

Несамостоятельность каждаго отдѣльнаго лица, принимающаго участіе въ этой организаціи, тѣмъ значительнѣе, чѣмъ организація эта сложнѣе.

Въ наиболѣе сложныхъ организаціяхъ, устанавливающихъ для веденія дѣла предпріятія нѣсколько коллегій, связанность положенія того или другого служащаго можетъ быть очень велика; въ предпріятіяхъ, организованныхъ на началѣ представительства единоличнаго, она гораздо слабѣе, и лицо, ведущее дѣла товарищества, пользуется автономіей,— но тѣмъ не менѣе зависимость существуетъ вездѣ, ибо всякое правленіе, всякій директоръ является только однимъ изъ органовъ, восполняющихъ *дѣеспособность* акціонернаго товарищества.

Ограниченность свободы усмотрѣнія представителя предпріятія вытекаетъ изъ его положенія, какъ представителя, а не хозяина.

Представитель юридическаго лица *юридически* связанъ въ своихъ дѣйствіяхъ,—*и поэтому не можетъ* слѣдовать велѣніямъ христіанскаго долга, какъ бы ясно онъ ихъ ни сознавалъ.

Отказываться при такихъ условіяхъ отъ *законодательной* охраны интересовъ рабочихъ и переносить эту защиту на почву *христіанскаго долга* значитъ отказываться отъ всякой охраны ихъ интересовъ.

Безспорно, что, съ точки зрѣнія формальной, представители юридическаго лица вполнѣ заступаютъ его въ предѣлахъ своихъ полномочій, и что волю, изъявляемую представителями, должно считать волей представляемаго *).

Но *формальная* безспорность этого положенія требуетъ громадной экономической и нравственной оговорки.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что адъэкватный представляемому, съ точки зрѣнія цивилистической, представи-

*) *Дернбургъ.* Пандекты т. I, стр. 181.

тель совсѣмъ не адъэкватенъ хозяину во всемъ томъ, что касается нравственно-экономическаго содержанія отношеній.

Съ точки зрѣнія содержанія и существа жизненныхъ отношеній, представитель *зависитъ* отъ представляемаго, и совсѣмъ не безразлично, заключать ли, напримѣръ, договоръ съ хозяиномъ или его представителемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется вся полнота *хозяйскаго усмотрѣнія и хозяйской свободы* при оцѣнкѣ *существа* договорнаго отношенія во всей сложности затрогиваемыхъ имъ жизненныхъ интересовъ.

Только въ сферѣ *цивилистической* дѣеспособность хозяина восполняется *адъэкватнымъ* ему представительствомъ. Что касается до сферы *экономической*, то въ этомъ отношеніи никакой представитель хозяину *не адъэкватенъ*, ибо онъ *зависитъ* отъ своего хозяина,—зависитъ сложной, тонкой, часто неуловимой въ своихъ формахъ, но несомнѣнной зависимостью.

Что же касается до сферы *нравственной*, то въ этомъ отношеніи въ разсматриваемыхъ случаяхъ нѣтъ и *не можетъ быть даже рѣчи о какомъ-либо представительствѣ*, ибо хозяинъ—юридическое лицо—*не имѣетъ никакого нравственнаго облика*, будучи дѣятелемъ бездушнымъ, безвольнымъ, духовно-мертвымъ.

Эта физическая безличность и есть тотъ хозяинъ, который призываетъ къ жизни самое предпріятіе, создаетъ цѣнности; онъ же пользуется и услугами физическихъ людей какъ для того, чтобы восполнять себѣ недостающую дѣеспособность, такъ и для того, чтобы при участіи труда людей дѣлать то экономическое дѣло, для котораго предпріятіе возникло.

Хозяинъ предпріятія на сливается съ тѣми людьми, чьими услугами онъ пользуется. Ихъ отношенія опредѣляются уставомъ или договоромъ—уставомъ для тѣхъ лицъ, которыя восполняютъ его дѣеспособность, и договоромъ для тѣхъ, кого нанимаютъ для работъ по производству предпріятія.

И въ томъ и другомъ случаѣ *люди* состоятъ на *службѣ* у товарищества.

Такова природа одного изъ современныхъ контрагентовъ по договору личнаго найма, котораго выдвинула жизнь, съ которымъ нельзя не считаться, ибо онъ становится,—а въ значи-

БИБЛІО
Ученаго Комитет

тельной мѣрѣ онъ уже и сталъ,—хозяиномъ современнаго экономическаго положенія.

Въ этомъ важная особенность новаго явленія, старому праву почти незнакомая.

Наниматель обезличился,—между тѣмъ на сторонѣ нанявшагося никакихъ измѣненій въ этомъ отношеніи не произошло.

И что могутъ сдѣлать въ этомъ отношеніи законы карательные, о которыхъ говорилъ членъ Государственнаго Совѣта Глезмеръ? Кого и за что карать?

Повѣреннаго—за то, что его довѣритель не даетъ ему полномочій для того, чтобы улучшить положеніе рабочихъ?

Въ уголовномъ порядкѣ всякій отвѣчаетъ только за себя.

Нельзя карать повѣреннаго за его довѣрителя.

Безспорно, что отъ представителей юридическаго лица зависитъ очень многое,—и за нарушеніе ими *своихъ* обязанностей ихъ можно карать и уголовно. Но далеко не все зависитъ отъ нихъ,—а за то, что отъ нихъ *не* зависитъ, ихъ нельзя и карать.

Карать же *юридическое лицо* невозможно.

Юридическія лица—это созданіе юридическаго творчества,—назначены исключительно для частно-гражданскаго оборота. И отвѣтственность ихъ можетъ быть поэтому только *гражданская*, т. е. имущественная.

Только она одна возможна—только одна она и *цѣлесообразна*.

Только ее одну почувствуетъ—если можно употребить это слово—организація, разсчитанная исключительно на имущественные обороты.

III.

Отношенія личнаго найма въ громадномъ большинствѣ случаевъ затрогиваютъ *жизненные* интересы нанимающихся въ самомъ *простомъ, прямомъ*, біологическомъ значеніи этого слова, ибо въ личномъ трудѣ нанимающіеся имѣютъ по большей части единственное средство *къ существованію*.

Естественно поэтому требовать, чтобы и наниматель оцѣнивалъ эти отношенія съ точки зрѣнія *ихъ существа и со-*

отека
а Кн. Скл.

держанія всей полнотой своего хозяйскаго усмотрѣнія и сознанія, во всей полнотѣ хозяйской свободы.

Но въ разсматриваемыхъ случаяхъ найма на сторонѣ нанимателя не оказывается никого, кто могъ бы съ хозяйскимъ усмотрѣніемъ и въ хозяйской свободѣ оцѣнить отношенія личнаго найма съ точки зрѣнія ихъ существа и нравственно-экономическаго содержанія.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этого является опредѣленіе ихъ экономическаго содержанія *только рынкомъ*. Личный элементъ правоотношенія игнорируется.

Но право не можетъ съ этимъ помириться. На сторонѣ нанимающагося *ничего* не измѣнилось, личный элементъ не только остается, но выражается теперь сильнѣе, чѣмъ прежде. Если старое право могло смотрѣть на отношенія личнаго найма, какъ на результатъ *свободнаго* соглашенія сторонъ (homo liber, qui statum suum in potestate habet et peiorem eum et meliorem facere potest: atque ideo operas suas diurnas nocturnasque locat,—поэтому римскій юристъ и находилъ, что in hujusmodi obligationibus id maxime spectare debemus, quod inter utramque partem convenit),—то въ настоящее время о такой свободѣ нанимающихся можно говорить только въ отдѣльныхъ болѣе или менѣе исключительныхъ случаяхъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ нанимающійся не имѣетъ выбора и долженъ принимать предлагаемую работу и предлагаемыя условія *для того, чтобы существовать*. Личное значеніе правоотношенія *для нанявшагося усилилось* и даже достигло высочайшаго напряженія, получивъ значеніе *біологическое*.

Если уже первая часть десятаго тома свода законовъ требовала и требуетъ отъ нанимателя *справедливости* (2229 ст.), то новое хозяйственное право должно провести это требованіе въ жизнь въ рядѣ нормъ положительнаго матеріальнаго права: на сторонѣ нанимателя нѣтъ болѣе того нанимателя-хозяина, отъ котораго можно требовать къ нанявшемуся «справедливости и кротости»; а между тѣмъ на сторонѣ нанявшагося личный интересъ выступилъ въ своемъ открыто-біологическомъ значеніи.

Нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи сдѣланы современнымъ промышленнымъ правомъ въ такъ называемомъ рабочемъ законодательствѣ.

Юристъ долженъ выяснить гражданско-правовую природу измѣнившихся экономическихъ условій и отношеній и на этомъ основаніи создать новое частное промышленное право.

IV.

Излишне напоминать, что дѣйствующіе общіе гражданскіе законы не содержатъ постановленій, достаточно нормирующихъ эти отношенія.

Дѣйствующіе гражданскіе законы создавались въ другихъ экономическихъ условіяхъ.

Личный наемъ есть двухстороннее обязательство, по которому одно лицо за вознагражденіе пріобрѣтаетъ право на трудъ другого лица.

Если это обычное опредѣленіе сопоставить съ дѣйствующими общими гражданскими законами, изложенными въ первой части десятаго тома свода законовъ, то увидимъ, что оно цѣликомъ въ нихъ содержится,—если не въ абстрактной формулѣ, то своими фактическими признаками.

Однако, никто не сомнѣвается въ томъ, что въ громадномъ большинствѣ общественно-важнѣйшихъ и наиболѣе часто повторяющихся случаевъ найма, напримѣръ, въ случаяхъ найма на фабрики, заводы и проч., приходится обращаться не къ дѣйствующимъ законамъ гражданскимъ, изложеннымъ въ первой части десятаго тома, а именно къ спеціальнымъ узаконеніямъ не чисто-гражданскаго характера—если они существуютъ—и, главнымъ образомъ, къ уставу о промышленности.

Милліоны людей вступали, вступаютъ и будутъ вступать въ отношенія личнаго найма, имѣя въ трудѣ по найму единственное средство къ *существованію*, а общій гражданскій законъ не содержитъ нормъ, достаточно регулирующихъ эти отношенія.

По своду законовъ 1857 года (2201 ст. 1 ч. X т.) личный наемъ могъ быть:

1) для домашнихъ услугъ,

2) для отправленія земледѣльческихъ, ремесленныхъ и заводскихъ работъ, торговыхъ и прочихъ промысловъ и

3) для отправленія всякаго рода работъ и должностей, невоспрещенныхъ законами.

Кромѣ того,—хотя и въ примѣчаніи,—законъ упоминалъ о четвертомъ случаѣ найма—о наймѣ *въ рекруты*. *Таковъ* въ то время былъ *четвертый* случай найма.

Заводы того времени были наполовину крѣпостные и пользовались принудительнымъ трудомъ. По редакціи 1857 г. въ приведенной статьѣ 1 части X тома не встрѣчалось даже самое слово «фабрика»: оно проникло сюда уже впослѣдствіи,—и то лишь для того, чтобы только отсылать къ уставу о промышленности.

Принудительный трудъ господствовалъ и въ другихъ отрасляхъ хозяйства. Постановленія закона были несложны и отличались патріархальнымъ характеромъ.

Наниматель мыслился, главнымъ образомъ, какъ физическое лицо, непосредственный хозяинъ, который долженъ быть «справедливъ» и «кротокъ» къ нанявшемуся,—а нанявшійся, съ своей стороны, долженъ быть «почтительнымъ» и не только къ хозяину, но и къ его семейству. По такой схемѣ располагались нормы, регулировавшія эти отношенія. Въ числѣ нормальныхъ требованій, предъявлявшихся закономъ къ хозяину, было требованіе обходиться съ нанявшимся «справедливо и кротко»,—а отъ нанявшагося—быть «вѣрнымъ», послушнымъ и почтительнымъ къ хозяину и его семьѣ», «стараться добрыми поступками и поведеніемъ сохранить домашнюю тишину и согласіе». Это послѣднее требовалось также и отъ хозяина «для отвращенія,—какъ говорилъ законъ,—случая къ обоюднымъ неудовольствіямъ и жалобамъ».

Эти постановленія сохранились до настоящаго времени и составляютъ содержаніе 2229 и 2230 стт. I части десятаго тома.

Съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи учреждена первая акціонерная компанія, милліоны людей работали, работаютъ и будутъ работать въ условіяхъ полной невозможности когда-либо увидѣть своего физическаго хозяина по той причинѣ, что его не существуетъ въ природѣ; хозяиномъ сталъ не человѣкъ, а такъ называемое лицо «юридическое».

Какъ можетъ *такой* хозяинъ—лицо юридическое—относиться къ нанявшемуся «справедливо и кротко», какъ того требуетъ законъ? И какимъ образомъ нанявшійся можетъ

быть «вѣрнымъ, послушнымъ и почтительнымъ» не только къ такому хозяину, но и къ *его семейству»?*

А между тѣмъ обращеніе законодателя къ чувству справедливости хозяина и есть до извѣстной степени то обращеніе къ чувству христіанскаго долга, о которомъ говорилось въ прошломъ году въ Государственномъ Совѣтѣ.

Но въ устахъ стараго законодателя это обращеніе къ справедливости не было фразой безъ содержанія.

Справедливость—есть тотъ крайній судья отношеній между людьми, къ которому право обращается и должно обращаться.

Справедливость, какъ юридическое начало, было извѣстно и римскому праву (aequitas, bona fides и т. д.).

Она продолжаетъ оставаться судьей человѣческихъ отношеній и *теперь.*

Но все дѣло въ томъ, что справедливыми могутъ быть *только люди,*—между тѣмъ со временная жизнь выдвинула новыхъ экономическихъ дѣятелей—*не-людей.*

Въ этомъ особенность современной жизни. И въ отношеніи къ нимъ, къ этимъ новымъ дѣятелямъ—не-людямъ—простой *призывъ* законодателя къ справедливости звучитъ фразой, лишенной содержанія.

Онъ равносиленъ отказу отъ справедливости, ибо новые дѣятели—юридическія лица разныхъ видовъ и наименованій—не могутъ сами по себѣ быть ни справедливыми, ни несправедливыми, потому что они—*не-люди*, хотя тѣмъ не менѣе именно они то и являются *хозяевами.*

V.

Si quid universitati debetur, singulis non debetur; nec quod debet universitas singuli debent—говорило старое римское право, хорошо отличая юридическое лицо отъ физическихъ лицъ, его образующихъ.

Наше время есть время преимущественнаго развитія этой юридической формы.

Юридическое лицо, какъ правовая форма, ввело въ гражданскій оборотъ новыя сложныя образованія.

«Объединенныя одной этой общей чертой—говоритъ В. Б. Ельяшевичъ—выступленіемъ въ оборотѣ въ качествѣ

самостоятельныхъ носителей правъ и обязанностей,—явленія эти въ остальномъ расходятся» *).

Тѣмъ больше чуткости требуется отъ современнаго правоваго творчества.

Жизнь не такова, какой она была въ то время, когда возникала эта юридическая форма.

Если однако и старое право,—напримѣръ, римское право,—хорошо сознавало различіе между universitas и singuli, то насколько необходимѣе ясно сознавать это различіе теперь, когда universitates, какъ формы, охватили громадные круги явленій новаго экономическаго содержанія и когда экономическая мощность этихъ формъ достигла необычайныхъ размѣровъ.

И если теперь никто, конечно, не смѣшиваетъ universitas съ singuli въ томъ, что касается купли-продажи, займа и другихъ подобныхъ сдѣлокъ, то невозможно смѣшивать universitas съ singuli и въ сдѣлкахъ личнаго найма, перенося на представителя юридическаго лица то требованіе справедливости, которое право обращаетъ къ самому нанимателю-хозяину, а не къ его представителю.

Никто не смѣшаетъ юридическое лицо съ его представителями, оказывая кредитъ, напримѣръ, акціонерной компаніи, будетъ хорошо знать, что его контрагентомъ является именно компанія, а не тотъ или другой ея представитель.

Но современное правосознаніе смѣшиваетъ юридическое лицо съ его представителями въ томъ, что касается юридическихъ требованій *справедливости*, предъявляемыхъ къ хозяину, какъ одному изъ контрагентовъ договора личнаго найма.

А если не смѣшиваетъ, то значитъ, обращается съ призывомъ къ справедливости и къ чувству долга къ такимъ субъектамъ гражданскихъ правъ, которые по самой своей природѣ не могутъ быть ни справедливыми, ни несправедливыми, потому что, какъ не-люди они не знаютъ и не могутъ знать никакого чувства долга.

Нужно поэтому или совсѣмъ отказаться отъ спра-

---

*) *Ельяшевичъ*. Юридическое лицо, стр. III.

ведливости, какъ живого начала регулирующаго жизнь людей, какъ живого крайняго судьи человѣческихъ отношеній, или же остаться вѣрными этому судьѣ,—но тогда уже и послужить ему на дѣлѣ,—т. е. провести его въ жизнь такими средствами и способами, которые заставили бы услышать голосъ и требованія справедливости тѣхъ новыхъ дѣятелей, которые, не будучи физическими людьми, управляютъ тѣмъ не менѣе современной жизнью—т. е. юридическихъ лицъ.

Третьяго отвѣта быть не можетъ.

Юридическія лица и ихъ могущество—не фикція, не выдумка, а великая реальность.

Но реально и то, что никакой справедливости юридискія лица—эти personae juris—не понимаютъ.

Отказаться отъ справедливости нельзя.

VI.

Право существуетъ *для* людей, дѣйствуетъ *среди* людей и *черезъ* людей.

Жизнь людей невозможна безъ правды и справедливости.

Современное человѣчество страдаетъ отъ того, что его *право* отошло отъ *правды*.

Въ нашу задачу не входитъ изслѣдовать причины этого явленія.

Причины его—сложныя и глубокія.

Одна изъ причинъ его кроется въ кризисѣ современнаго правосознанія.

Не вчера и не сегодня обнаружились первые признаки этого грознаго явленія духовной жизни.

Наше время видитъ острыя проявленія болѣзни.

Въ этихъ проявленіяхъ отражаются современныя хозяйственныя условія.

Еще въ лицѣ Гончарова русскій мыслитель-художникъ съ любовью подошелъ къ новымъ формамъ хозяйственной жизни и въ Штольцѣ хотѣлъ создать положительный типъ новаго дѣятеля въ этихъ условіяхъ.

Но Штольцъ не удался. Онъ такъ и остался однимъ заданіемъ.

Чуткій Добролюбовъ справедливо говорилъ, что «лите-

ратура не можетъ забѣгать слишкомъ далеко впередъ жизни»,—а Штольцъ, даже въ тѣхъ неясныхъ чертахъ, какими онъ намѣчался Гончаровымъ, «не тотъ человѣкъ, который съумѣетъ на языкѣ, понятномъ для русской души, сказать намъ это всемогущее слово «впередъ!» [1]).

Но на хорошо понятномъ и страшномъ языкѣ говоритъ русская литература о страданіяхъ современнаго человѣка, переживающаго свой болѣзненный духовный кризисъ.

Вотъ что—у Глѣба Успенскаго—говоритъ купецъ Таракановъ:

«Въ томъ и дѣло, что времъ съ утра до ночи—вотъ въ этомъ самомъ все наше дѣло и заключается. Все только врешь и больше ничего. Знаю, что живу въ Россіи, а что она такое—неизвѣстно! Никакихъ правиловъ, порядковъ, законовъ—ничего мнѣ неизвѣстно. Лѣсъ дремучій—больше ничего! Про Бога тоже мало знаю, ничего мы этого не понимаемъ...

85328

«Вездѣ все спутавши кóмомъ... А Аграфена-то вонъ какъ нашего брата опредѣлила! Извольте-ка подумать, чего натворили изъ-за одной рощи, а ежели всѣ-то поступки счесть, такъ и смѣты даже не будетъ, сколько мы, окромя этой рощи, зла натворили! Разсказать хоть про эту самую банку нашу. Сокрушили мы эту самую рощу, всякую черноту и голь оголили, сиротъ осиротили, и на эти, на сиротскія, на Аграфенины, стало-быть, деньги стали уширеніе дѣлать потребленію.... Жаднаго народу у насъ много. Всякихъ словъ тогда много набормотано было! Мы вѣдь оченно прекрасно понимаемъ, что это одно бормотанье, да носомъ чувствуемъ, что по нынѣшнимъ временамъ именно на такой манеръ требуется лапу-то запускать, т. е. чтобы съ Америкой было и съ производствомъ и со всѣмъ прочимъ припасомъ, а не просто по-волчьи: сгребъ за хохолъ и поволокъ въ лѣсъ» [2]).

Тяжелое впечатлѣніе производитъ эта исповѣдь больной души.

«Бога-то въ насъ мало, не очень чтобы много»—это твердо знаетъ купецъ Таракановъ.

---

[1]) *Добролюбовъ*. Сочиненія т. II, стр. 568 (изд. 1878 г.).

[2]) Сочиненія т. 2-й (изд. 1889 г.), стр. 787—789.

Твердо знаетъ онъ также то, что онъ ничего не знаетъ.

А тутъ сироты, мѣщанка Аграфена, поступившая на содержаніе,—и на сиротскія, на Аграфенины деньги «уширеніе потребленію».

Таракановъ и самъ участвуетъ въ разореніи Аграфены.

Этимъ драматизмъ положенія увеличивется.

Духовный кризисъ Тараканова есть *кризисъ его правосознанія*.

Кто найдетъ пути возсоединить право съ правдой?

Силы человѣка, безсильны, если сама правда имъ не поможетъ.

Правда есть истина и любовь, а истина заключается между прочимъ въ знаніи.

Простое, обыденное, позитивное знаніе указываетъ на то, что съ призывами справедливости можно обращаться *только къ людямъ*.

Мы не беремъ на себя указывать пути возсоединенія права съ правдой.

Но мы напоминаемъ о томъ, что всѣ знаютъ и не могутъ не знать, но что, къ сожалѣнію, забываютъ.

Нельзя говорить о справедливости, и христіанскомъ долгѣ «не-людей».

Между тѣмъ современное правосознаніе съ этимъ недостаточно освоилось.

Отголоски такого смѣшенія понятій слышались всего лишь годъ тому назадъ въ Государственномъ Совѣтѣ.

Напомнить объ этомъ ставляетъ обязанность современнаго юриста.

ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

Русская фабричная медицина. Критика законопроекта комиссіи Государственной Думы по рабочему вопросу Ц. 15 к.

Лѣченіе рабочихъ и русское національное сознаніе. Еще о законопроектѣ комиссіи Государственной Думы объ обезпеченіи рабочихъ на случай болѣзни. Ц. 15.

Неотложное дѣло. Рѣчь въ засѣданіи Московскаго городского благотворительнаго совѣта. Ц. 10 к.

Право на трудъ и право на здоровье. Ц. 15 к.

«Христосъ» художника И. А. Астафьева. Ц. 20 к.

Налогъ на наслѣдство и общественное призрѣніе. Изъ матеріаловъ и исторіи примѣненія закона 15 іюня 1882 года о наслѣдственной пошлинѣ.

Дѣти подмостковъ. Ц. 30 к.

Цѣна **20** коп.

28493

П. И. Астровъ.

Юридическія предпосылки рабочаго права.

35101.

I

юридическія лица.

МОСКВА,
Городская Типографія.
1911.